

Михаил Мильшин

Гаданье

Михаил Михайлович Мильшин

Композиция № 3

(ироническая), или Гаданье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73027542

Гаданье:

ISBN 978-5-98615-701-6

Аннотация

«Гаданье» Михаила Мильшина – это масштабная поэтическая композиция, в которой автор мастерски сочетает лирику, иронию, философские размышления и живые зарисовки из жизни. Книга построена как многоголосое повествование, где переплетаются темы любви, одиночества, дружбы, творчества, веры и поиска смысла в современном мире.

Стихотворный текст насыщен аллюзиями на классическую и современную литературу, исторические события, мифологические и библейские сюжеты, что создаёт богатый интертекстуальный ландшафт. В произведении звучат голоса разных персонажей – от лирического героя, тоскующего по идеальной любви, до ироничного рассказчика, наблюдающего за абсурдом быта, от мистического Фильки до гадалки Глафиры.

Структурно книга разделена на главы и интерлюдии, что напоминает музыкальное или театральное произведение. Автор свободно экспериментирует с формой: здесь и традиционные

строфы, и верлибр, и диалоги, и даже шуточные перечни имён в духе народных гаданий.

«Гаданье» – это глубоко личная и в то же время универсальная книга о России, её истории и культуре, о человеческой душе, мечущейся между верой и сомнением, мечтой и реальностью. Это произведение для вдумчивого читателя, готового к диалогу с текстом, к узнаванию себя в зеркале поэзии.

Издание будет интересно ценителям современной русской поэзии, интеллектуальной литературы и всем, кто ищет в тексте не только смысл, но и живую, трепетную интонацию автора.

Содержание

Увертюра	6
Прелюд	13
Первая глава	14
Глас Екклесиаста	21
Один голос двух Франсуа1	23
Фрагмент диалога допотопа с попотопом, не совсем всплывший	24
Обрывок письма или объявления	25
Глосса оракула божественной бак-бук	26
Интерлюдия	41
Вторая глава	43
Филькина грамота	56
Интерлюдия	65
Третья глава	67
Интерлюдия	82
Четвертая глава	84
Интерлюдия	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Михаил Михайлович
Мильшин
Гаданье

© Мильшин М.М., 2025

© Издательство «Мини Тайп», 2025

Увертюра

Не спета, не спета
мною песня юных дней,
банальностей теперь-то
поменьше будет в ней.

А банально,
как ни жаль, но
приписать
беспечным дням,
что во мнении
похвально,
подетально,
хоть и тайно
от себя,
приятно
нам.

Не спета, не спета
мною песня юных дней —
Мендельсона невесёлой
темой скрипочки во мне
поётся. Темп ларгетто
ностальгически весомей,
да и приторность полней
с горчинкой терпкой. Это

несладок пустых надежд
осадок. И найден где ж?
На дне, на дне
дней,
всем они бедней
прочих, но родней
мечтой о Ней!

Сон ли, бред ли,
на пуанты
жесты линий,
цвет и звук,
живо ставя,
молвил: Сам ты
знаешь, ярче,
как таланты
дети горькие
разлук.
Но мукой мне
разлука мне,
причём
ни тени
встреч,
только вдумайся, ну-ка,
о чём идёт речь,
и что грустней, печальней?
Просто нечего помнить
и в сердце беречь
без первой, изначальной,

столь чаемой встречи с ней!
Так будь же; судьба, честней
не меньше со мной, чем с ней.

Чем с ней!

Чем с ней!

Дай!

Дай мне встречу с ней!

Дай встречу

с ней!

Дай в глубины

глаз любимой

заглянуть мне,

и, как на дно,

кануть, согнуться,

до частицы

до последней

раствориться,

слиться с Ней

в одно!

Кто в бытии

вне бытия?

Бог! Бог! И мальчик

для битья.

Стальное «Но»

надежды щит

свечой больной

во тьме трещит.

Бессильем
охвачен,
представить
мне её,
что к горлу
приставить
ножа
острие,
и жилкою
холод
почуять
и ту,
навстречу
уколу
свою
теплоту,
готовую
брызнуть
капризной
струей,
и в плаче
горячем

не вижу
я
её.

Вот разве круг наш,
друзья,
нам намекнут вдруг:

Нельзя
так постоянно,
так рьяно
быть заняту с тобой
друг другом только.
Ну, что ж,
хорош не тот,
кто сам хорош,
хорош, хорош...
(Ах, как размечтался я!)
Но кто для друга,
подруги —
– предмет заветных дум
Да вкупе с чувством
живым,
и таковым, и таковым...
Не спета,
не спета
мною песня
юных
дней,
всё мне кажется, где-то,
хотелось бы знать,
я повстречаюсь с Нею,
чьих очей так приветлива
голубизна,
что смело думать смею,
лучистых, как по весне,

высоких небес ясней!
Ясней!
Я с Ней!
С Ней!
Встречусь ли я с Ней?
Встречусь ли я с Ней
хотя б
во сне?
С Ней бы
в пляске
красок
слили
в медо —
— носную
вихрь —
— метель
лепе —
— стки цве —
— тущей
сливы
аромат свой
и счастливый
дикой
розы
сладкий
хмель!
Не спета,
не спета
мною песня

юных
дней,
привета жду я,
привета я жду
от солнечных лучей,
от её
очей!

Прелюд

Дуновенья-веянья дай парусам!
Лебеда – на волю! Распутывай пути!
У волны на гребне
окрепнет и сам
ветер попутный!

На приливе рифы проходят. Строптив,
и в крутой бьёт берег прибой, и пологий
шумно в пену прячет.
Удачи в пути
дайте нам, Боги!

Бухта позади. Хорошо бы луне
солнечной улыбки прощальной хватило,
чтоб резвился рыбкой
на зыбкой волне
отблеск светила!

Вот и ветер. Крепкий! С ним весело плыть,
арфою певучей сердца нам очистив,
незабвенных вёсен
уносит в теплынь
к милой Отчизне!

Первая глава

Домой! Домой! Примчаться Чацким,
«из дальних странствий возвратясь»,
всех-всех обнять: и тех, скучать с кем,
и тех, с кем вздорить, отродясь,
до гроба обречён, казалось, —
каких бы струн души касалась,
и, может быть, себе на зависть
в каких словах тогда б сказалась
моя экстаза ипостась?

Но от бездомья по бездомью
нам в рубежах бежать, стезя
через границу чтоб, нельзя!
Помашем Чацкому ладонью.
Приятен дым родимых мест?
О да! Когда глаза не ест!
И даже в сердце Геркуланум,
хранимый нами, чудачком
я был бы, не сказав, чуланом,
подполья прелью, чердаком
разит. И размышлений пища
горька под знаком пепелища!

Мне, словно ордер на арест,

прямой пророчицей ворона
красноречивей Цицерона
прокаркала: «Один, как перст!»

Я не в обиде. В лучшем виде
узнал в изгнании Овидий,
что и задрипаный, но друг
старинный, с кем печали-горести
веселье-радости по совести
делили, стоит новых двух!
И более. Судите сами:
все новые из года в год,
и что нас делает друзьями,
ко мне приходит, точно к яме,
с помоями своих невзгод,
хваля без объяснений дальних
меня в делах исповедальных.

А в радость к ним не лезу я,
поскольку у одних семья,
с другими же в часы веселья
от пьяной дури нет спасенья.
Так изживаю, как монах,
себя я в четырёх стенах!

С попутчиком, явленье ретро,
и талисман, и амулет,
и просто память глупых лет,
как с непременно встречаемым ветром,

спешу за сотни километров
к друзьям поплакаться в жилет.
Возьми, читатель, на заметку:
С чего бы это не в жилетку?
Друзья-друзья! Мы все, по сути,
один посев, один помет
унифицированных судеб.
Кто, как не вы, меня поймёт,
а не поймёт, так не осудит!
Я вами огорчён весьма,
от вас ни вести, ни письма!
Вы намекните, если в чём-то
виновен я, мол, извини!
Но так молчать, какого чёрта?
Сказал бы вам насчёт свиньи,
да жаль Альфреда де Виньи.
Для рифмы надобно не два ли
словечка-близнеца? Едва ли
признать учёным из НИИ
его в такой компании.
Что говорить! Друзей, каких мы
имеем, таковы и рифмы!

С яичницею, плачь, не плачь,
дар божий взболтан и завинчен.
Сорви болты, переиначь.
Пусть, как лукавый смех девичий,
гуляют де Виньи с да Винчи.
Над морем путь зыбуч, куда

качусь и я, шар бильярда,
страшась услышать с полуярда:
А кулинару взбучку дать,
Ей-богу, надо, Леонардо!

Беседой заняты они.

Стихи читает де Виньи.

А в свою очередь да Винчи
ему поведает, как нынче
замыслил он изобразить
под впечатлением от мессы
свиное стадо. Злые бесы
вселились в дремлющих в грязи
хавроний мирных. Всею оравой
они вскочили. Влево, вправо
взметнули грязь и прут внаскок,
сбивая с ног, тараня в бок,
давя друг дружку, оттирая....

Такая чушь! Вонючий ком
ушастых рыл, хвостов крючком
валит, пути не разбирая.

Шум, визг, хрип, храп, копытный топ
И в море, добежав до края,
свергается взбешённый скоп!

Писать стихи, и не в грехи
ни на одно мгновенье?

Будь времена не столь лихи
и тягостным уединенье...

Вот и приличное сравненье!
Нашлось-таки! Ха-ха! Хи-хи!
Так муз благословенье
явит зерно из шелухи
тому, кто больше чепухи
с благим намелет рвеньем.
Извольте, – «Рассвинячьи рожи!»
Ах, вам не нравится меню?
Сию минуту заменю
на «Чтоб вас пробрало до дрожи!»
Немного будет подороже.
Что? Книгу жалоб? На скандал!
Гурманы-то какие! Строже,
чем надо, не сужу и прожил
немало я, таких видал!
Эй, кто там есть! Подай шандал!
Как для чего? Для шандараху!
Не то опять порвут рубаху.

О, эти крепкие объятья!
О, эта преданность сердец!
Когда ж сойдёмся, наконец,
и выпьем, лучше нет занятия!
Предупредить обязан сразу,
сие писалось до указу¹.
Вот тут-то душу отвести!

---

¹ Имеется в виду антиалкогольная кампания середины 1980-х годов, равносильная «сухому закону».

К тому же накопились новости.
И Сашу попрошу свести
к его старушке.
Коль не в хворости,
гадает пусть, женюсь ли вскорости?
Заботы! Господи прости!
И, если выпадет жениться,
совет ему жениться тоже.
В такие годы мы не можем
ни безнаказанно поститься,
ни роль любовников играть.

Первый голос

Не всё-то нам от жизни брать,
пора с другими поделиться.
Пора, мой милый друг, пора
примерить на себя рога,
подарочек, как говорится,
от благодарного врага.
Не приведи господь, случится,
наплюй, как сделала лисица
из басни, что, как мир, стара.
А повезёт, куда как много,
умрёшь скотиною безрогой.

Второй голос

Мы в грозном возрасте, когда

любовь небесная не снится,
земная гордая царица
не позовёт, не постучится,
нагрянет разом, как беда.
Нам лета бабьего теплынь
дарит улыбку. Не отринь
благоволений уходящей.
Последний лист, в лучах парящий,
люби, пока не канул в стынь!

Глас Екклесиаста

И не смешно ли в дальний бег
себя готовить нарочито?
А в книге судеб весь твой век
ещё мгновенье – и дочитан!

Поту— и посюсторонние голоса

«Зачем безвременную скуку
тревожной думою питать?"
Положим, сложно сердце дать,
так предложи хотя бы руку.
Кто друга чаем напоит
прозябшего, когда с мороза
тебя, что куль, упавший с воза,
в семейный прикантует быт
нетранспортабельной находкой?
Пока находка спит-храпит,
кто друга чаем напоит?
Не говорю, что лучше водка,
в закуску просится селёдка
из красной книги.
Гран мерси!

Дадут минтай, там, иваси,
которому селёдка тётка...
А к чаю в сахаре миндаль!
Другой потребовал бы орден,
к лицу лицу и пьяной морде,
но я согласен на медаль.
Кто иногда тебя накормит?
Носки заштопает молчком
и локтя острого тычком
обязанность твою напомнит?
Утешит кто? Опохмелит?
И глупостью развеселит?
Да будут с вами до могилы,
самой невинности мечта,
беспечность юной гамадрилы
и независимость кота!

Один голос двух Франсуа¹

Я был женат, чему не рад.
Для умершвления плоти
в Голо, монахи говорят,
за средством шли к Шарлотте.

---

¹ Франсуа Вийон и Франсуа Рабле.

Фрагмент диалога допотопа с попотопом, не совсем всплывший

– Вот как бы это... и за так!

– За так? За так это никак.

А если как, то кое-как.

– Как так, за так и кое-как?

– А так вот этак и вот так!

– Не так, не этак, не вот так!

– А как? По вот как? По вот так?

– Нет... Перед этак, из-под так

и через этак на вот так,

так-таки этак и тик-так!

– Да не до этак, не до так,

и по над этак вот никак!

А так на этак, на вот так —

не такоэтак! Вот ведь как!

– Ах, так! Разэтак и растак,

да переэтак, перетак,

протак, проэтак, провоттак!!!

– Вот из-за этак, из-за так

так-таки это не тик-так!

Обрывок письма или объявления

...Не знаю уж, простите ль нас,
есть на груди растительность.

Но головой не волосат,
не кривоног и не носат.
Имею МГУ диплом,
четыре зуба, три с дуплом,
ещё – хронический бронхит
и цвет лица под малахит.
Как патриот в своей Отчизне
ищу себе подругу жизни.
Не важен рост, не важен вес,
ни психучёт, ни горсобес;
но чтоб весёлою была.
Пусть курит, лишь бы не пила.

Глосса оракула божественной бак-бук

Буль-буль... Пук!

И

Друзья мои – в живом сосуде
бальзам душе и водомёт
острот искристых! В нервном зуде
хоть видит око, зуб неймёт.
Устал, устал я крест нести
неудовлетворённости!
Проведать еду. Погадать...
И Фильку б надо повидать.

Не вкрался Филька вроде тати,
взялся подобно Вам, читатель.
Был некто, старый холостяк,
и был он некогда в гостях
на холостяцкой же попойке,
где честь имели быть и я
с друзьями. Гость-то этот бойкий
и вызвал из небытия

Филиппа, Фильку той манерой,
по-барски вольной, жест широк,

звонка, что спрятан за портьерой,
три раза потянул шнурок,
и Фильку кликнул, Фильку-вора!
Глядим – является умора,
зеленовато-сероват,
смешно одетый, неказистый,
на дым табачный, на обхват,
на свет и на плевков сквозистый.

Мы – Филька, то дай! Филька, – сё!
Вина! Стаканами несёт,
любого, только не Кагора,
и по глоточку отопьёт.
Плясать! – Он пляшет, петь! – поёт,
всё норовя красивше, хором.
Да и соврёт на вкус любой.
Такое слышал под кадрили я,
как «Проперделлер, песню пой,
неся, расплавленные крылья!»
Натешились, хоть и грешно.

В веселии до обалденья
и в голову нам не пришло
того, что Филька – приведенье.

Кто был тот старый холостяк,
никто не знал, как оказалось.
Забылся Филька бы, как шалость,
как пьяный розыгрыш, пустяк;

но выясняется, портьеры,
смотрели в двери и за двери,
и не сумели усмотреть.
Их не имел и не намерен

хозяин в будущем иметь.
Что до звонка, и без верёвки
в прихожей кнопка, тоже громкий.

Звоночек с надписью «Бим-бом» —
вот что с намерением кто-то
оставил на столе и фото
порнографических альбом.
Не проявили интереса
к альбому. То ли перепой,
то ли он чем-то не такой,
впустую расторопность беса.
Сидим. Задумчивый серьёз
нам в гирю обращает нос.

И кто, не помню, колокольчик
схватил, потрянул, чтоб звякнул громче
«Эй, Филька! Сволочь! Подлый плут!»
И Филька снова тут как тут!

Однажды посещаю друга
и замечаю, другу туго.
— Поверишь? Филька во плоти
явился пьян, буюнил, в щепки

разнёс буфет, расколотил
сервиз старинный! На кушетке
храпит погромщик... Вот кабы,
на завтра скажет, не с гербами,
так я б ни в жись! А сапогами
я не фарфор топтал, гербы!
– Пороть его! Республиканец
такой, как я американец! —
– Отпетый лодырь! Дармоед!
И сквернослов, и выпивоха,
сколь ни учи, кухарит плохо!

Всегда не во время обед...
Ту, из театра что, ливрею
в комиссионку снес еврею,
а этот финский мой халат
таскает, он ему до пят!
Весь распорядок в раскорячку...
Не для меня, себе ведёт
из дома быта Зинку, прачку...
Намедни трубочного пачку
смешал с махоркой, идиот!
И курит ведь из лучшей трубки!
Коллекционной!
– Бить кнутом!
Нешадно! —
– Что ты! Филька хрупкий! —
– Но не фарфоровый! —
– Притом,

изрядно стар, цыплят синюшной!

Не за понюх забьют! —

– Так ты

вместо него возьми в порты

всю педагогику конюшни!

На то и есть вот эта плоть,

чтобы её пороть. Пороть!

И смысл любого воплощенья

есть мщенье, и только мщенье!

Вот они с нами до поры

сосуществуют, приведенья,

житьё и нежить, сон и бденье,

как параллельные миры.

Они нас запросто пугают,

а если им ещё и плоть,

что с нами сделают, не знаю!

Не приведи Господь! Пороть!

Заметили ли вы, когда

случалось проявить усердие

и завести себе кота

из побуждений милосердия,

как входит он в квартиру, в дом,

смятенье одолев с трудом?

Из замухрышек беспризорных,

столующихся в баках сорных,

в тех ящиках, где часто кот

и сам собой идёт в отход.

Немудрено! Питаясь скудно
тем, что изгадили паскудно
и дряни сброс, и грязи слив,
бедняга, болен и пуглив.
Котам домашним и мальчишкам
доверья нет, и нет от блох
спасенья! А собаки... Слишком!
Житуха – сплошь переполох!

И вдруг ему, предел мечтаний,
сезам открыт ни дать ни взять!
Нет, дело в пролитой сметане,
Бывает, надо подлизать.
И пусть бы чуточку прокисли
котлеты две, а лучше три.
Ещё не допускает мысли,
а сам вошёл, уже внутри,
и дверь захлопнулась. Хоть яства
манят к себе, но не до них.
А ты не шутишь, озорник?
Не шутишь? Принимать хозяйство?

Звучит торжественный мурлык!
Колумб ступил на новый берег!

Ещё мурлыкать не привык,
а тут открытие Америк.
Ступил, идёт без суеты,
и мебель на пути какая,

ручьём журчащим обтекает.
Так поступают все коты.
Иначе даже и нельзя им,
мы вещи трогаем рукой,
коты боками и щекой.
Кот-личность! Кот-домохозяин!
Запечатляет глаз-янтарь,
учитывает инвентарь.
Есть разгуляться где, коту, мол,
есть и укромные места,
спасительные для кота.
Ты это здорово придумал!

Поел, умылся, в уголочек
удобный самый спать залёг.

Прижился Филька. И потом,
мила квартирка, хоть противней,
чем кухня с газовой плитой,
местечка Фильки не найти в ней.
Комфортней и информативней,
поменьше хламом занятой
нашёл прихожую. В прихожей
стал обитать. Где спал, никто
не знал, не видел, но, похоже,
влезал на вешалке в пальто.

По списку очевидных выгод
здесь перво-наперво вход-выход

и вид на общий коридор,
видать, кто что припёр, упёр...

И барин тож, должник-художник,
пленэрщик, глазки растарашь,
не верит про возможный дождик,
не кинь ему на плечи плащ!
При деле здесь, и бог, и царь,
бессменно целый день швейцарь!

– Жюльетту только что гулял!
Напудила. И-эх ты, пудель!
Хотя бы лапу подняла,
я б догадался, тоже люди!
Кот Шура, протестант, Мими,
его подружка. Суть протеста:
Дай мяса, хлебом не корми!
Не дашь, так что угодно съест он.
И хомячок Алёна силос молотит.
В воздухе носилось:
Ну нету на продажу ржи,
а эту живность содержи!
И ни поместья, ни подворья!
Но разных прочих не глупей,
и мы нашли в харчах подспорье —
курятина из голубей!
Тем боле, вот они, ловите!
В окошко лезут, как на митинг! —

Наловит жирненьких пяток,
головки прочь и в кипяток.
Легко отходят с кожей перья,
а тельце, обернув в фольгу,
в духовке запечёт. Поверь, я
и сам, читатель, ел, не лгу!

Душисто! Аппетитно! Тушки
украсить крошевом петрушки,

картофель к ним подать, пюре,
а можно проще, отварного,
лучок зажарить...

– Во дворе,

не без того у нас, хреново!

Мы наверху, окном во двор, —
вступает Филька в разговор, —

Внизу тошниловка. Там койку
имеет, сторожуя, мой кум.

Всё, – говорит, – для поросят!

Не сразу тащат на помойку,
что повара наколбасят.

Свинья издохнуть может! Статься,
и мы нужны для дегустаций!

Есть благородная порода
и у свинячего народа!

Гнилой трухлявый рацион
из недоели, недокрали,

а мяса выдают вагон!
Какое было авторалли
породу вывести! Цель сию
достиг через ошибки, пробы
один учёный. Да! Но чтобы,
жара, как не по Цельсию,
так в обморок свинья та вмиг
не хлопалась, не достиг!

Эколог выступал на днях,
при бороде, в усах, на свалку,
там крысы шастают вразвалку,
указывал, мол, дело швах!
И то сказать, не те и крысы,
морские, что ли, белобрысы.
И белобрысы-то к чему?

Да потому-то и к тому,
чуму несут они, чуму!
Секретно это, и покуда
я не скажу куда, откуда.

А вот окошко распахнуть,
так птицы мира этой тучи!
Их шугани, и солнцу лучик
меж них тогда не пропихнуть!
Бери, к примеру, экскремент,
тут голубь фору даст вороне,
всех нас, компьютер дал момент,

ещё при жизни похоронит!
А таракана, тоже он,
на человека, шёл поштучно
при счёте, или как научно,
но вышел ровно миллион!
Мильёнщик, у кого прописка!
Квартал объявлен зоной риска.

Кто прежний барин? Много было.
А первый был богаче всех.
Так представления любил он,
и праздный шум, и гром потех,
что для музык и разных танцев,
назвал в поместье иностранцев
из Петербургу и Москвы.
Которые не таковы,
без голосу, на ухо туги, —
пардон! Подите! Пользы для
тогда-то повелось в округе
французов брать в учителя.

А кто остался, принялися
в ахтёров дворню обращаться.

Одним велели бегать впрысяд,
других – на постное, тощать.
Ну и пошло – рып-скрып, играют,
и беготня, и стукотня,
и ни конца тому, ни краю,

и крик, и плач, и вплоть до дня,
как всё готово. Полог поднят!
Впервой и навсегда, поди!
Про то, как Ерофей в исподнем
за Маврой дикою ходил!
Бывал и после на театре
лет через сто за руп и за три.
Занятно, потому что за,
а непонятно ни аза.
Лет пятьдесят тому, так часто
ходить бы мог, да нечем хвастать,
И что бывает задарма
золы помимо и дерьма?
А в дело, тоже денег стоит.
Но кто мне скажет, что такое?
Неужто Ерофей, как Тверь,
уже не Ерофей теперь?
В какие пропасти спускался!
Моторчик одолжил бы Карлсон.
Болота, камни, острый шип,
чтоб чем-нибудь себя зашиб.
Зловонно, дымно, сыро, темно
и склизкий гад ползёт огромный,
со всех сторон ревёт зверьё...
А Ерофей как запоёт!
И эту, вроде балалайки
без кузова щипнёт, щипнёт —
медведи, волки – тише зайки,
и лев к нему котёнком льнёт!

Прозваньё это – Маврой дикой,
не слаще редьки, Навредикой,
давал насмешник имена,
не виноватая она.

Девуца больно уж труслива,
а тоже быть могла счастливой,
хотя допрежде чем дела,
такая жалость, померла!

Движенья много, много пляски!
А что за музыка! А маски
богов и всяческих скотов
я и сейчас смотреть готов!
Да! Лучше не было спектакля!
И вот те крест и накрест пакля!

– Ты что? То бомба в керосине,
хотя речь шла о Хиросиме,
сегодня – Мавра, Ерофей...
Какой там Ерофей? Орфей!

Орфей хотел из преисподней,
из царства смерти, духоты
на свет, где дышится свободней,
где небо, солнце и цветы,
любовь, супругу, Эвридику
вновь к жизни вывести. Великий
и богоравный корифей

искусства пения – Орфей!
Он и тебя, как зверя, Филька,
затерянная смертью шпилька,
обворожил. Что крепостной
театрик ваш? Сгорел весной!
К нему ж идут на поклоненье
из тьмы веков тьмы поколений,

хотя и назовут уста
то Прометея, то Христа.

– Ах-ти! И правда! Память-студень
или как лента на ветру.
Вроде как так же всё, ан вру!
Спасибочки! Орфей и будет!

– Орфей. В афишках примечай.
Ещё увидим. Не скучай!

– Я об одной скучаю вещи:
Ну почему я не помещик?

Вся дворя, словно бы родня,
любила б, холила меня. —

– Что ж, заведём порядок новый,
ты, Филя, барин, я – дворовый!

– Такая мена не нужна.

– Какого же тебе рожна?

– Вы, знамо, барин не последний,
из разночинных, городской;
гостей встречаете в передней.

Гостиной нет и нет людской... —
— Добавь, что нет и мастерской. —
— Морские ценятся пейзажи.
Богаче вы, и я бы зажил,
любимице дарил бы той,
разденешь – мысик золотой,
какие ни на есть подарки:
гребёнку, сарафан немаркий...
— А я своей бы – телефон
и дачу с баней и бассейном!
Бордель «Кавказ», отель «Афон»
везли бы жареных гусей нам!
Коттедж! Кругом сосновый бор!

Я с мерседесу, в пеньюаре
она с постельки прыг, и в паре
мы в пар и в бар во весь опор,
и в будуар, и в будуаре
мы с ней в любви, мы с ней в угаре
без памяти, и, до тех пор,
покуда мсье Коньяк в ударе
и задушевен мсье Диор!

Интерлюдия

Цинизм —
дитя обманутых надежд,
невызревший мятеж,
ниспровержений наважденье,
с истерикой напрасной утвержденье,
что всё на свете – головою вниз!
При этом, видите ль, ещё и вверх ногами!
Как умилительно бывает в мальчугане,
определяемое нами
через – изм!

Презрения каприз
до самооскопления
в дремучей слепоте
иль только в ослепленьи,
не с тем ли, чтобы головою вниз?
лунатиком, тут не до умиленья,
ступает на заплёванный карниз!

Вам что? Муляж любви?
Протез протеста? Натё!
Павлин-диковинка!
Не надо диковатей,
он с сердцем пастыря

и логикой шута
готовит нам немыслимый сюрприз —
отхожие места
собрать в один сервиз!

Не так ли зреют из невинности поллюций
пороки сладострастия обструкций?

Но есть иной цинизм!
Присущ мерзавцам,
облечённым властью, —
насилъе и растленье, ставших страстью
рядить в парчу священных риз!

Как на Гавайях лёгкий бриз,
так нам беда всего обычной.
Нагрянь она в любом обличье,
чумой из трёх беря двоих,
и не была б катастрофичней
убийственного ига их!

Вторая глава

I

Едва пришёл в последний раз,
наиклассической из фраз —
– А не пройтись ли нам до ветру? —
встречает друг. Шкодливых глаз,
как школьник, обращаясь к мэтру,
не поднимает, но не скрыть
их в смехе пляшущую прыть!

– Из положения, Мишель, мы
прекрасно вышли. Посмотри,
каков стал туалет внутри!
Ну что бы я без Фильки-шельмы!
Подлец фантазией силён.
Обои, кафель, – всё бывало,
взял кипу он киножурналов
и сотворил Иллюзион!

Всё иллюстрации, портреты,
и крупный план, и во весь рост
больших и малых кинозвёзд,
и со всего буквально света
до потолка сплошь по стенам,
и взгляды устремляют к нам.

Кто белозубо, кто лукаво,
вприщур слегка, а кто вподмиг.
Как будто слышишь: Bravo! Bravo
Да вот же он, триумфа миг!
Вы центр блаженного вниманья.
На ле-, на пра-, да хоть наза-,
– везде улыбки обожанья
и одобрения глаза!
Вы града Ромула и Рема

счастливый мэр, без Мэри, жаль,
и вы ж жемчужина гарема,
гарем, по-нашему, сераль.
Есть пара кадров детектива,
где леди смотрят кругло, криво,
всплеснув руками, на пол плед
упал. Но в нашем государстве...
Не бойтесь, леди! Я не гангстер!
Вы ошибаетесь! Нет-нет!
Это совсем не пистолет!
Я напишу, фотоискусством
ведомая, попав сюда,
как в коммунальном свете тусклом
смотрелась каждая звезда.
Но то потом, сейчас о том,
о чём бы надо шепотом,
что Вольдемар однажды пылко
поведал бодрю страшилкой.

Не по развёрстке, добровольным,
очередным и не крамольным
на осязанье и на слух,
в сортир квартиры коммунальной,
как мило при нужде повальной,
жильцов даянием – гроссбух!
Приходуемый на расходы,
гордился бы собою годы,
зачахнет вмиг, испустит дух.
Дежурит даже капитальный
поборник чистоты анальной
не боле суток или двух.

Ночь. Тишина. И свет потух.

Про что, бишь, я? Про освещенье
или потомков просвещенье?

Взгляни! Под потолком, как звёзд,
различных лампочек, а светит
всегда одна на много вёрст,
да так, что можно не заметить.
И выключатели, взгляни!
Подобно вымени свиньи,
рядком за дверью. Каждой вправе
проверить, со своей звездой
ты перемигивался? Стой!
С чужой! Так ролик надо вправить
Давай, электрик! Ну-ка вжарь!

Чтоб и аптека, и фонарь!
Интеллигентные всё люди!
А насчёт вжарить я хватил.
Не доходило до статьи,
помитингуют, ну и будет.

На этот раз взгляни в гробсбух.
Утопленник! И весь разбух!
Мороз по коже! Да! Сюрпризы!
Учебник судмедэкспертизы!
Листаю дальше. Всё страшней.
Удавленники на кашне,
на галстуках и на подтяжках...
А вот додумался бедняжка
себя на ручке на дверной
подвесить. В позе шухарной,
сидеть устал и лечь мостится,
а шея набок и язык...
и нехороший пьяный зырк...
А вот, как будто в путах птица,
всё бьётся, бьётся, мука-взгляд!

Ужасно! Тело, руки, ноги —
изломы, скрюченности, прогиб!
Вот что выделяет яд
с тем, кто так напрочь отравился.
Потом застрельщики идут.
Понятно, те, кто застрелился.
Оружие в наличьи тут,

и тело, рухнувшее сразу.
Обезображивают труп
ранения. Вот тот без глаза.
Он пулю направлял в висок.
А этот – в рот, и разнесло
весь череп. Сколько стало грязью
мозгов и крови! В сердце, в лоб,
я, словно слышу, хлоп да хлоп!
Подумать только! Мать едрёна!
Сооруженье! Изощрённо
себя убить! И это чтоб
одновременно удавиться,
зарезаться и застрелиться,
и напоследок, чтоб утоп —
лихая увертюра в гроб!

И во внимание беря, мол,
воспринимаем головой,
идёт и текст, библейский прямо,
величественно-деловой.
Страстей смиряя возмущенье,
холодной логики Кощеем

взыскую родственных идей.
Меня, готовый на служенье,
конь боевой, воображенье
уже туда доставил, где

недоброй вверенный охране

смиранный узник, в гулком храме
светильник светит. И вихрами
крутыми, не смущаясь, тень
пред ним клубится, по-бараньи
обставя лбами плоскостей.
Бодать грозит, рогами ранить!

Свет скудный рассекают грани
столбов массивных, и в их раме
чуть различимо – роспись стен,
чьи очерки духовной брани,
Христа страданья на кресте
не так читаются, как ране.
И крупным планом на экране,
когда б в кино снимать, багряным
затлился рубища металл
на теле светлом фолианта.
В картине чёрного Рембрандта
с колен молящийся привстал.
Он здесь читает еженощно.

Как ослепительно! Как мощно!
в скульптуре древней красота
жены желанной, мужа стать!
Пленяя, ожил камень, дышит...
Тем боле может пламень свыше
отверзнуть смолкшие уста.
И если пламенем святыни
на мёртвом языке латыни

опалены вы, значит, ныне
язык Вергилия восстал!
Духовника не внят совет,
и инквизиции запрет

на чтение Библии презрел он.
Источник ересей... Вот бред!
Ищи! По размышленью зрелом,
сказал себе: На ересь, бред,
на всё в ней должен быть ответ!

И вот, молитву сотворя,
он, Мартин Лютер с алтаря
в благоговении суровом,
как из источника святого,
ладонью почерпнув, испить,
взял осторожно Божье слово,
прикованное на цепи!

Посмей он не благоговеть,
небрежно цепью загреметь...
Людские к звону чутки уши.
Малейший звяк – покой нарушен,
покой нарушен – обнаружен!
Но где людской, где божий страх?

Бачки с водой, на цепках кружки,
не спёрли чтобы побирушки,
стоят в общественных местах.

Ах, мотовство! Ах, нищета!
Пленённой мысли маята!

«Зачем крутится ветер в овраге?»
Или зачем тебе сортир,
где рвут нещадно на подтир
гигиенической бумаги
взамен, и не газетный шлягер,
а книги, эти окна в мир,
в простор, где на духовный пир:
к нам отовсюду «в гости флаги»?

Чего ж не кухня, например?
Палатою весов и мер
она, и клуб дискуссионный,
и общежитья аксиомы
нам преподаст, чтоб мир и лад
несли мы в камерный расклад.
Быть может, чем-то ненормально
засесть «надолго и всерьёз»
в читальне индивидуально?
Помилуйте! Но где курьёз?
Пошли убийства. Взгляд от труп
перевожу к другому тупо.
И вдруг, внезапно, точно гром!
Разрублен череп топором,
от горла вниз, как рыба взрезан,
пах садистически растерзан...
Ой, мамочка! Хочу домой!

Где тот утопленничек мой?

II

Приехал. Были и объятья,
и пили тоже от души,
и невезение, опять я
наелся так, что свет туши.
Отрывается поныне.
Но что похмельное унынье!
Осиротив меня, мечтой
что было, рухнуло в ничто!

Грешит не тот, кто совершает
грех незамысленный, грешит,
кто от грядущего спешит
вкусить воображеньем шалым.

Ан глядь – к прошедшему пришит.
Податливей быть, легкодумней,
но нет, не плыть, идти ко дну мне,
в воде не плавает самшит.

Я о себе... да не пришлось.
Где топко, робко ходит лось.
Излишне был, должно быть, робок.
Но сколько выскочило пробок!
Друзьяшки! Что за кутерьма?
Что так заботит ваши лица?
Желание скорее поделиться

ушатами житейского дерьма.
Все ждут участия, вот щас мы...
Один про свой роман несчастный
с замужней женщиной,
красивой, молодой,
про путаницу скользких отношений,
про то, как утомлён
препрыткой чехардой
то жуткой близости,
то сладостных крушений....
Другому нет проблем иных,
у бабы хобби на обновки,
стал завсегдаем пивных
и секции «Турист»
для смены обстановки.
А третий – кладезь ума-разума,
в быту погряз он до маразма,
и веет от него тишком
штанишек детских запашком.
Ну, где уж нам уж выйти замуж!
Куда от собственных-то бед
приткнуться? И слеза в глаза уж,
спаси, спасательный жилет!

Вот такие калачи!

С чем ехал, то и получи!

- Филипп-то как? Поди, изношен?
- Как есть! Не выдернуть из ножен!
- И всякий раз, когда сдаёт

его подагра геморрою...

– Или когда, наоборот,
от геморроя вновь берёт...

– По описи со всей мурою
чего-нибудь не достаёт!

– Ну а подробно и серьёзно
расскажет нам... – Хватились поздно, —

– Расскажет русский дворянин! —

– Советский я, и армянин. —

– Вопрос прямой. Коротким галсом
ответь, куда Филипп девался? —

– Вот пёс, он пёс, пока собакость
не потеряет, Филька ж, пакость,

ты его кличешь: Филь, да Филь!

Да чтоб душа его в утиль!

Звонишь, звонишь, а он те накось!

По всей квартире на сто миль

полнейший, понимаешь, штиль!

Ну, в общем, нету больше Фильки.

С ним было что-то вроде линьки.

Так, будто схоронил кого,

бродил, не видя ничего,

пятном расплывчатым, прозрачен,

неразговорчив был и мрачен.

И у меня, не до него,

со Светкою дошло до свадьбы,

а после свадьбы – в Ереван.

Вернулись мы, признаться вам,
хватиться бы его, позвать бы,
да вспомнил, молвить не греша,
когда бог дал мне малыша.

Совсем исчез Филипп. Бим-бом же
такие делает финты —
звонишь, врываются менты
с облавой на каких-то бомжей.
Прописку смотрят, мол, сигнал
имеют, мерседес угнал!

– Не с ЭНЭЛО ли был тот некий,
что по годам Мафусаил?
Летают всё, Мельхиседеки,
не зря нас Филькой осоллил! —
так Саша начал, – Я недавно
Филиппа, встретил. Что за чушь!
воскликнете... Да! Самым главным
из наших городских чинуш!

Столкнулись с ним, узнал ей-богу!
– Как здесь ты, Филька, обормот? —
Широк он стал, вот что комод,
а всё глядит на босу ногу.
Смутился он, Я ему – Ну-с? —
А он напыжился, как юс:
– Да, имя, та зать, девичье,
но с вами ещё давеча

был не знаком я. Где и чем
дал повод фамильярничать?
– И словно пухом беличьим,
коснулся моего плеча:

– Прошу Филипп Авдеичем
официально величать! —
И в это время – телефон,
и на звонок помчался он,
и в кабинет из коридора
за дверь с табличкой Ф.А. Дёров.

Филькина грамота

Ну, наконец-таки, плюясь
и возмущаясь, мой читатель...
(Всегда казённый, отродясь,
других не знал. А вот считать иль
не следует своих друзей
читателями? Труд-то сей
читал им я, и он, пожалуй,
не показался им лежалой
обмяклой тыквой. Видит бог,
и комментарий, ловля блох
не нужен был, для предисловья,
что вечно батьки поперёд
в любое пекло так и прёт,
имелись шаткие условия).
Редакционный светлый Князь!
Благословенный благ податель!
Я возвращаюсь к вам, читатель,
с боязнью вызвать неприязнь,
весомее, чем извинясь.
Вы добрались до той ступени,
где и в дыму недоумений
нетрудно обнаружить связь
простых, обыденных явлений.

Незамечаемое, Князь!
(Я стану в позу, подбочась)

клеймит клеймом душевной лени,
тупым невежеством подчас!
Сменилось столько поколений,
так ничему не научась!
Зачем я в позе, подбочась?
Так я ещё и подбоченюсь,
нравоученьем сводит челюсть,
спасение – пуститься в пляс.

Читатель рукопись пред очи
берёт, раскрыл, вникает сам
по праву первой брачной ночи
(Филипп у Бомарше) и хочет
скорее дать по тормозам,
спихнуть её, терпеть нет мочи,
хотя бы заспанному Зам.

Невестушка не Афродита,
ее двенадцатиглавьё
не обещает ай лав ё,
не вызывает аппетита.
Что вызывает, так – вопрос.
Нелепость Филька! Кто он? Толком
понять нельзя. И фигой в нос
читатель автору, хоть брось!
Так... Безобразье да и только!

Конкретен кто, тот экономен.
И Фильку, мыслимый феномен,
а по проделкам – феноме'н,
веду со скорбью на обмен.
За привиденье, вот те номер,
дают другое, например:
явление это номинально —
феноменальное в банальном.

Не лопни со смеху, Гомер!
Абстрактней, примитивней, площе,
всегда ограбленное проще.
Элементарности? Так вот —
сам Филька по предназначенью,
мы приступили к изученью,
есть стрелочник, громоотвод.

Отца небесного творенье
(В истории от сотворенья
известный, факт, начнём с азов),
Адам пришёл на божий зов
не без смущенья, но послушно.
Он что-то скушал, стало скучно
и горько, был ещё лозой
он виноградной опоясан
с листвою пышной. Смысл ясен.
Кто лев, кто лебедь, а кто лань,
не помня, тварь живёт-играет,

покуда глад не простирает
повелевающую длань.
Ушёл беспечности сезон.
К познанию голод – вот резон
просить Адама – обнаружь нам,
кому как не Адаму нужно.
Не пробуждением ото сна,
а сон кошмарный, новизна —
проступок, следствие – причина...

Бог задаёт вопросик чинно,
будто всезнающему знать
не всё дано, и риторичный
вопросик стал педагогичным.

Я как бы Бог, и я в раю
вопрос Адаму задаю:
«Адам! Не ел ли ты от древа
плода запретного?» Адам:
«Жена, которую ты дал
помощницей мне, Ева ела
сама и мне поесть дала».

Дознания, следствия дела,
прошли подельники парадом —
и Ева – Филька, Бог – Филипп,
поскольку из-за Евы влип,
нашли первофиллиппа-гада.
Так родилась Филиппида,

полудобро и полужло.
Оно по миру поползло
из райских кушей. Это ж надо!
Адам, Эдем – начала Ада.

У жизни, хитренькой старушки
игрушкою яйцо кукушки.
В гнездо ума подбросит лишь,
не философией шалишь,
а тем, что под рукой, конкретной,
Ты не дорос ещё до бредней,
малыш пока ещё, зато
есть у тебя котёнок Филька.
По общей слабости котов
он целый день играть готов
с подвешенной на нитке килькой.
И ты играешь с ним. Потом
неосторожно, скажем, чашку
роняешь – вдрызг! Её, бедняжку
не склеить, надо полагать,
и мама огорчится... Мучась

не долго совестью, солгать
решаешься, и Фильки участь
предрешена. Он все грехи
отныне, будет их немало,
собой покроем. Покрывала
богов украденных Рахиль.
Только она ж их и украла,

а Филька мерзость, пакость, гнус,
и всё же чист, как Иисус.

Стащить и слопать антрекот,
приберегаемый на ужин,
вполне способен Филька-кот,
но, чтоб жену поссорить с мужем,
поклёп на друга возвести,
пропить зарплату, не вместить
коту такого. Филька нужен
уже другой. А где возьмёшь?

Да из себя. Твой разум – нож,
так раздели себя, размножь
на плюс и минус, свят – паскуден.
Ты в сумме ноль, тем и хорош,
хотя кому – не разберёшь
и кто нужней – Христос Иуде,
Иуда ли Христу? Делёж,
податлив и реалий студень,
стать мерой свойственно посуде
всему, что ты в неё вольёшь.
Условность – никогда не ложь,
причины казус неподсуден,
здесь ложь на службе. Ведь по сути,
уж если правдою живёшь,
так и служи ей. Станет ложь

плясать уже беззубой коброй

в твоей корзине. Филька собран
по-новому. Дивится мир!
А ты и Филька, и факир!

Условности такого рода —
едва ли не сама природа,
и, где условия – беда,
условности бегут туда.

Среди друзей и в семьях, любят
где все друг друга, не хотят
ни ссор, ни выяснений грубых,
не копят в душах гнева яд,
там Филька и живёт вольготно
и вытворяет – что угодно,
всем услужить бывает рад.
Его со всех сторон бранят,
с него, как с гуся, больно прыток,
Хоть по чём зря, хоть на чём свет —
у Фильки есть иммунитет.
И любят все его открыто,
он капля юмора, бальзам.
Тот, от кого он был защитой
ещё вчера, сегодня сам
в него облёкся. Жест рассчитан
и взвешен слог (позор весам).
Внимая молча, трепещите!
Достоин страха Высший сан!
Где кур во щи попавший, щи те?

Ищите!

Чего не видел до сих пор —
что б Филька и тореадор.
Надеюсь, будет когда-либо.

Прибегнуть к Фильке,
чем иным, как не признанием вины,
является. Филипп-то липа,
и ты не лжёшь, тебя любить
не перестанут, так и быть,
простят, так прячься за Филиппа!

Кто огорчён, тот на постой
не пустит чувств недобрых свору
в дворец души и сердца вору
не даст коснуться, но зато
держись Филипп... Проклясть и Бог
Адама своего не смог,
он проклял землю за Адама.
Ужо, филиппики, задам вам!
В мученьях Евушке рожать!
Змеюке ползать и дрожать!
Противной стать скотам и люду!
Давить её, подлюку, будут!
Плодов не брать змеюке в рот!
Да будет так из рода в род!

Ба! Эврика! Я, откровенно,
открытия не ожидал.

Вогнало в пот, обдуйте феном!
Филиппствующим Демосфенам
сам Бог выходит, вот скандал
урок для подражания дал!

Интерлюдия

Если б нам не изменяла память;
а она бы нам не изменяла,
если б всё, что узнали когда-то
вместе с тем, что случилось с нами,

под рукою, поближе держали,
не валили на пыльный чердак.
Мы учиться бы не уставали,
как без усталости дышим. Познание,
неуёмное, в радость, духовно
обострило бы зрение, да так, что
ухищреньям любых подмалёвок
не оставить не узнанной ложь.

Если б чувства в узде,
в чистоте ощущенья держали,
не бежали одних, а другие
себе в лакомство не обращали,
понимали бы волю как выбор,
а не как над собою насилье;
ни дурные привычки, ни страсти,
ни хворобы, что вслед им приходят,
не томили бы душу и плоть.

Если б к разуму с сердцем да совесть
как закон и залог совершенства
в триединство мы взяли бы, люди!
Пресеклись бы раздоры и распри,
порождения страха жестокость,
загребущая чёрная зависть
удалились бы прочь навсегда.
И ничто не мешало бы жизни,
получению в ней своей части.
Эта часть именуется счастьем,
ей цена и причина – любовь!

И Земля обновится и Солнце,
повеленью любви подчиняясь.
Обретя к нам доверие, звери,
птицы, рыбы, деревья и травы

меж собою найдут пониманье,
перестанут друг друга терзать.
Мы пойдём по морям, как по суше,
без машин воспарим в поднебесье,
и тогда, я уверен, как боги,
мы смогли бы бессмертными стать.

Третья глава

С утра старушка на горшке,
совет родни велел, врачи ли,
она, где смирен всякий шкет,
на всю катушку и чуть свет,
как будто радио включили.
Блажит! Бранится! Где бы сил
бессильной взять, фугасом в ухе
взорваться с треском оплеухи
в три Левитана с Дебюсси?
Ещё б она трубой к разрухе
иерихонских стен басы,
Мой Боже, слух не угаси!
Я б не просил, но что за шухер?
Взялися распри злые духи
нутром оклизменной старухи
глушить усердно Би-Би-Си!
Иже еси на небеси,
и слух, и нюх, молю, спаси!
А голос, терпящий немалый
урон во внятности, внимал и
свидетельствую в том, зато
на зычность держит испытанья,
поносит всё, прямой Содом,
но пуще, что свежо питанье,

да вишь, как верится с трудом!
В ней прочно прошлое сидело,
и тьмы имён, событий, дат
держала память, как солдат
своё оружие. Провиденье,
читайте в дантовом аду,
печальным сходством с таковыми,
чей зад в слезах отменно вымыт,
её карало. На беду

сказала иль сказать хотела,
никак упомнить не могла.
Сиюминутности игла
на месте прыгает и тело
пластинки точит. Оголтело
рефреном раз до десяти
звучит: Да что б я воблу ела!
Да век с посуды не сойти!

Побудка общая прошла.
Тишает бабушкина келья.
– Мишань-Мишань! Туга ль мошна?
Не сырбрызнуть ли нам похмелье? —

Недолги сборы. На столе,
что бог послал торговой сети.
Ах, что едят на белом свете?
Хотя б там, за Па-де-Кале?
А мы едим что, где, когда

запомнить просто невозможно,
словно питаемся подкожно,
не интересная еда.

Салат – салату нет в помине,
а плов – так утка здесь причём?
В переложеньи для свинины
с крупую пшённою харчо!
Названья блюд пугают. Люди!
К чему что взято напрокат?
К меню ли пищевой ублюдок,
само ль меню – фальсификат?
Дерутся двое, и недаром
сражён едок двойным ударом!

– Да здесь ведь логика простая,
ну кто вас перечень заставит,
взять прейскурант-бумажку съесть?
А что салату нет в салате, —
– так возражает мне читатель, —
зато, что хошь другое есть! —

Далёк читатель эскапизма,
ему не помешает бред
переварить любой обед,
любой кувырк соцреализма.
Ума и сердца злой разлад
во всякой вещи и явленьи
не увидеть, душевной ленью

чей помрачён бездумный взгляд.
Не тот, не тот участник в споре,
кто кухню знает априори.
Так, вместо плова только слово,
покуда кажется обновой,
причудливо и хорошо!
Но без понятия за душой
не заиграют блики плова
в грязи занюханной столовой
на утке рубленной с лапшой.
Прочь! Прочь! Подале блюдо-юдо
Взглянуть и то бывает худо!

А вам, читатель, Ваша честь!
Всего «что хошь» не перечеть,
но что-то, что идёт в салаты,
я предлагаю до зарплаты.
Свежати́на! Стекло и жесьть
не стали кожурой. Нитраты?
Ну как без блох собачья шерсть!

Вот свёкла, огурцы, томаты.
Морковь, петрушка, сельдерей,
яйцо вкрутую, лук порей,
чеснок и перец горьковатый,
лук репчатый, зелёный лук,
рябина, клюква, хрена пук,
укроп и перец, уже сладкий,
маслины из дубовой кадки,

напоминающий южан
брюнет и щеголь баклажан,
и панталоны, и кальсоны,
короче, это патиссоны,
крыжовник, брюква, кабачок,
да груши, яблоки, дичок.
Редиска, редька, спаржа, репа,
паслён и ядрышко ореха.
Смородина, смородин лист,
советует специалист,
лавровый тоже, чтобы два,
годится всякая ботва.

Что там ещё в ковчеге Ноя?
Хотите, мясо отварное?
Душистый перец, артишок,
сухой аира корешок,
корица...
Что вы? Не годится,
и на любителя аир.
В лимонном соке тёртый сыр.

Грибы оставлю я в покое,
да и расходов меньше вдвое.
Теперь берём немного трав,
идут в салат и для приправ.

В укромном месте после пива
всегда отыщется крапива,

гораздо реже – лебеда,
не стали сеять, вот беда!
Тархун, кинза, тимьян, Melissa,
шафран и мята, лист аниса,
шпинат с щавелем, одуванчик,
и не иначе, как в росе.
Не позабыть о колбасе.
Свиная? Сразу дух свинячий.
На вид не очень, будет жаль...
Нюхни, читатель мой, свежа ль?
Кроши! Круши! Да мелко-мелко!
Вот тебе ножик, вот тарелка.
Трудись и ты, учту, изволь.
Картофель, сам салат, фасоль,
горох зелёный и жень-шеня
цветное фото в украшеньё.
Ещё капуста всех сортов.
Прошу к столу! Салат готов.
И на здоровье! Сколько влезет,
в сметане, масле, майонезе,
по вкусу добавляя соль!

А питье, скажем, вина, —
процесс ужасный, чья вина?
Без омерзенья, откровенно,
ни в рот его, ни внутривенно.
Но истина в вине, и мне,
ведь я её поборник истый,
полней, полней семейный клистир

Клинок – поэзия и роза,
ну а верней всего – вино,

коль не разбавлено оно.
Разбавленное – это проза.
Слоновой дозой размывают
поэзии аперитив,
романс романом называют,
а эпиграмму – детектив.

Как нынче с помощью мороза,
могла античность, мудрено,
готовить крепкое вино,
пурпурно-огненная грёза!
Невероятное! И что за
волшба факира-виртуоза!
Каким секретом симбиоза
вода и пламя, съединясь,
лучат, благоухая, ясь,
являя чудное вино!
Три к одному растворено.
Коль часть воды превысит «грёза»,
считали – варварская доза.
А в цельном виде пить не просто,
всех градусов за девяносто.
Такое пить скорбящий мог,
и тот, кто от болезни слёг.
Секрет забылся, говорят,

когда явился дистиллят.
Уж в нашу эру, век десятый.
С тех пор и глушим спирт проклятый.
Зелёный змий или конь-блед
смердят злорадно, где не след.
Сколькими пакостями в жизни
обязаны мы дешевизне,
хотя у нас, сдаётся мне,
так только пакости в цене!

К соседу Саша, тут же следом
и возвращается с соседом.
Их лиц торжественность не ложна,
и как ступают осторожно,
несут на компетентный суд
кривой химический сосуд.
И он не пуст, не пуст, прозрачен,
понятно всем, что это значит.
В приятном возбужденье флирта
не сводим глаз со склянки спирта.

– А что за спирт? Ректификат?
– Литровый куб, а маловат... —
– Спиритус винис не разбавлен?
– Если технический, отравлен.
Сперва бы надо в чайной ложке
собачке дать. Ну что вы! Кошке.
Она живуча. С этой дряни
скорей верблюд мослы протянет!

– Там утонутое в реторте!
Вишь! Appetit лежит и портит! —
– Да что за глупость! Что за блажь!
Простой оптический мираж!
Графинчик надо переставить,
пятно на скатерти, пятно! —
– Профессор Вова! Вы не правы,
здесь отражается окно!
Вот рама, свет, а это кактус... —
– Нагородили. Что вы? Как вас?
Мерси, учёный секретарь!
Тут не растение, а тварь.
Вот угораздило букашку,
мушенцию, аль таракашку... —
– Хоть крокодила самого!
Я выпил бы и съел его! —

– А пил ли кто из вас горилку
и непочатую бутылку
видал ли кто? Молчок! Молчок!
Там перца плавает стручок! —
– В перцовке перец, ты вот ну-ка,
в чьей водке плавает гадюка? —
– А чёрт стеклянный вделан в дно,
не виден, как нальёшь вино.
А вот те станем пить с дружками,
он вынырнет и зубы скалит! —
– Спиртуют выкидыш, лягушку,
о двух и больше головах.

Что спирту переводят, страх! —
– Эй, академик, дай-ка кружку!
Взглянули! Хором, только в темпе!
Вот это что? Что это?
– Штемпель
– И вправду штемпель! О-ля-ля!
Куда ни плюнешь – штемпеля! —
– Пустяшный инвентарный номер... —
– Нет, номер то, что чуть не помер.
Мутило и сейчас мутит,
такой вот зверский аппетит. —
– Поелику сие печать,
так распечатать и начать! —

У каждого стакашек спирта,
вспомнянув Вильям Шекспирта,
проникновенно, нюня каплет,
сказал сосед, как юный Гамлет:
– Быть или пить? Что за вопрос? —
И жажнул, запрокинув нос!
Задохся! И на лоб глаза!
И покатила слеза!
И наконец-то: Дюже добре!

Про нас потомкам не сказать,
что погибоша, аки обре!

То ль Вальтер Скотта, то ль Дюма
героем выехал на площадь,

не пьёт, а горлышко полощет,
О, благородный Вольдемар!
Не кашляет, не засопит он.
Что значит на спирту воспитан!
И я не то, чтобы взалкал,
но взял вонючего бокал,
хотя меня и с пары грамм
ведёт, как параллелограмм.

В библейских притчах шум и драки,
глаза – ошпаренные раки,
у тех, кто пьянствует с утра;
нужда по будням и забота,
увечья в праздники и рвота
у тех, кто пьянствует с утра.

Благословенны вечера!
Когда естественна усталость,
взбодриться, так потребна малость.
Покоят кресла и диван
так, будто был на то и зван.
Благожелательные лица
друзей душевных, без амбиций,
без пустословья речи их,
не ставят в образец ничьих
учёных мнений, поучиться,
и нет ни больших, ни меньших.
Равно готовы к пониманью,
равно не погрешают бранью,

сглусят, и глупости-то те

не от лукавства, в простоте.
Ценить гармонию и ясность
для них – что исполнять эдикт,
чему, как видно, не вредит
ни в возрасте, ни в нравах разность.
И кто среди них не ощутил
себя светилом среди светил!
Крестом не всякий дом отмечен,
где так проводят каждым вечер.

Хмельной безумен, что не ново,
кто от любви, кто от спиртного,
от страха, злобы, от успеха,
от горя, голода, от смеха, —
в водовороте суеты
в любой момент безумен ты.
Так полно же тебе, акстись!
Хоть на минуту протрезвись!
Скажи, кто ты и кто твой бог?
Что счастьем называешь?
Размысли, кроется ль подлог
в том, что, казалось, знаешь?
Ведь не статист ты жалкой сцены,
не средство эфемерной цели,
от ложных ценностей тряпья
твоя, болезный, резвынь;
и не родился же ты пьян,

наследственно нетрезвым.

Поговорить – облегчить душу,
а исцелить её – послушать.

Целебных свойств не лишены
слова в настое тишины.

Даст меру сердцу и уму
общенья опытный провизор.

Как точно в рифму телевизор,
на деле вовсе ни к чему.

Известно, можно, не скорбя,
жить отлучённым от себя,
покуда случай не представит
окна во вне захлопнуть ставень,
учувствовать, что с неких пор
в душе и ступор, и запор.

Всегда берущий – это нищий,
он прилипалою на днище,
мешает ходу корабля.

И зренье – сеть, и слух – петля
для разума, для короля.

Он, ими преданный владыка,
и слеп, и глух, они же дико,
ненасытимые в алчбе,
гуляют сами по себе.

За ними вслед быть суверенну
и сексу, и пищеваренью.

В ядрёно-ядерный век
расщепился человек!
Разумное ослабло поле
и не удерживает боле
в узде бунтующую страсть,
стихийствует на воле всласть.

Земле-старушке униженье,
лишилась силы притяженья,
прочь атмосфера унеслась,
с инерцией вступила в связь.
Трещат прогнившие корсеты,
нарывы вздули плоть планеты,
взломали, брызжут грохоча...

Земля – бенгальская свеча
космического фейерверка
планетный статус враз отвергла,
и вот вам новая звезда,
её трагические роды.
В трубу к чертям в четверг уходит
существования среда.
Протуберанцы – трубы те,
влачит, в жгуты свивает туго,
в них путаясь, как в бороде,
Земля совсем сверзилась с круга.
Огнём и серой изойдёт,
остынет, истощится или

до той элементарной пыли
как шандарахнется вразлет!?
И где там Пушкин, Гегель, Дарвин,
цивилизаций давних след
и достижения недавних?

Но разве не такой же вред
наносит нам страстей свирепость,
повсюду руша меры крепость,
жизнь превращая в пьяный бред?

А кто владыкою был ране,
при узурпаторе-тиране
на побегушках состоит,
и в нём нуждается синклит.
Тиранов-то, признаться, много,
но гордый кайф, он вроде бога,
и всё ему принадлежит.
Разумный свят, он жизнь и свет,
а кайфоман, он грязь и смерть.
Они на разных полюсах.
А мы, как чашки на весах,

склоняемся туда-сюда,
пока не грянула беда.

Интерлюдия

Истомы стон устам усталым —
из тех гостей, пустынь росток,
чиста в ком истовость весталок
со строгой стройностью кристалла.
Естествен стойкости исток.
Весь день растянут, зной жесток
настолько пусть, что сталь истает,
пусть осты, весты распластают,
истреплют, как мустанги стог,
а стихнут, стужа пусть пристанет
к растению с тенью на восток;
грустят листы, и стела стаза —
остаток стебля, стяг экстаза,
в астральный строй не стон, восторг
густонастоенный исторг!

Эвристика – мистика,
глупости – статистика,
формулы – пластика,
доводы – фантастика.
Сбросьте-ка с мостика
нытика-агностика!

Не стой, как столб версты,

не стынь ты пьедесталом
с той стервой старой, чей костыль,
стыда остудою где стала,
истёр историю в пустырь!
Пустьись в истерику мистерий,
простую ступу сделай с терем,

в пустом просторе стен не ставь
несовместимости местам.
Стань стих пасти, пастух и сторож,
и стиль, и стать есть аттестат
состава стоп хвостатых стад.
Ста истинам подстать и вздор уж
шестами стиснут – странный старт.
Приступим, ступа-стратостат!

Четвертая глава

На фоне высохшей травы,
как воду в лужах, ковыли
горячим воздухом полощет,
да с сапога тень головы
соскочит на другой, вдали,
как и вблизи, ничего больше.

Красноармейца два в степи.
Не ели, ладно, знай терпи.
И взмок и провонял от пота.
Который день уже в пути.
Так ведь ещё, как ни крути,
курить охота!
Отвлечься бы, и я хочу
поговорить, а он молчун,
и некурящий. Что за парень!
Помимо этих вот причуд,
усы, а не идут ничуть,
легко ли с этим топать в паре?
Кисет дарённый. Есть табак,
и тем хорош, достался так,
смекалистому для поблажки;
да трубки нет и негде взять,
и не из чего на стезях

закрутку сделать, а бумажки...
Бумажка есть. Несём пакет.
А для чего письму конверт?
Мы и конверт ему и почта.
Ну что ты чешешь во всю прыть!
Вынай письмо! Конверт курить
сейчас я буду, вот что!

Дошло до прений про момент,
и кто тут вредный элемент,
я красный с белым, об оттенке,
он белый с красным, а пакет,
в нём и от нас самих секрет,
и позарез кого-то к стенке!

Дискуссия! А в этот миг
далекий силуэт возник.
Ложись! Разъезд казачий!
Гарцуют мимо, мы лежим,
меняется у нас режим,
идти ночами значит.

И парень словно поумнел,
пакет протягивает мне,
в сургучных кляксах, честь по чести:
Давай поделим пополам,
в пакетах по своим тылам,
а здесь решать на месте.

Нам по листу, и каждый пусть
его заучит наизусть,
потом меняемся листьями
и прячем на себе. Итог —
чтоб досказать, дополнить мог,
чего в записке не достанет.

Он штопал что-то целый час,
а я так сунул свою часть
в сапог под стельку, за кресало,
огня добыть. Настала тьма,
два интересные письма
пустились в путь, одно с усами.

А выдал нас бродячий пёс,
с испугу подлый и донёс,
лай звонок в воздухе вечером.
И видел я сквозь купорос,
как повели нас на допрос
в том самом пункте назначенья.

Штыком пырнули палачи,
нарочно ноги волочил,
говён черпнуть коровьих, сора,
грязны и пыльны сапоги,
и не позарятся враги.
Письмо, и сам забыл, в котором.

И черти белые в свой штаб,

не миновать проворных лап,
уж тут как следует обыщут.
Сперва, как водится, в подвал,
конвой прикладом поддавал,
а я кричу: пора б дать пищу!

И впрямь чего-то принесли,
лепёшка, мятый чернослив.
Чем сытым, лучше быть свободным.
А если уж попался, брат,
так лучше сытым помирать,
чем помирать голодным.

– Все знают, говоришь, окрест?
Да как же ты из этих мест,
коли собаки не признали? —
– Я с кобелями не дружил
и со своими, а с чужим...
Видать, приبلудный, партизанит. —

– Занятно баешь, да вишь ли,
письмишко у дружка нашли!
Ах так! Он тоже приبلудился?
А нам известно хорошо... —
– Мобилизация. Пошёл
по принуждению. Возвратился. —

– Похвально для весельчака...
у адмирала Колчака?

Я ждал признанья в этом роде.
Понятны рвенье мне и пыл...
И «никак нет» не позабыл,
и наше «Ваше искобродье».

Дам пять минут. К тебе жена.
Не ровня, редкость как умна,
воспитаннейшая особа!
Потом приятных вам знакомств,
препроводят вас в город Омск.
Вы – это с ним, а не особо. —

И дверь, что сбоку, как монах,
так чинно отворяет. Ах!
Ах, Глаша! Свет любви и боли!
Я к ней в объятья за порог!
Не соглядатай, Бог помог,
дверь за собой закрыть позволил.

Но что за встреча! Поскорей
тащу подальше от дверей,
заученное ей диктую,
не может ничего понять,
а я ей снова и опять,
запоминай, чтоб не впустую!

Порхнули пташкой пять минут.
Дверь отворяют, я разут,
смердят мозоли да водянки,

нашлась Глафира, жаль не жаль,
а кашемировую шаль
разодрала мне на портянки.

Интерлюдия

Веди же свой корабль под именем «Терпенье»!
Да не смутят тебя, бессменный рулевой,
зазывное сирен сладкоголосых пенье,
не усыпят ни штиль, ни посвист ветровой.

Не утрашись, когда скрипит корабль и стонет,
и кажется, вот он, уже последний вал,
который сокрушит, разметет всё, на том и
окончит ураган свирепо-пьяный бал.

И зоркость не утрать, сияет море в полдень
бесчисленностью солнц, пылающий настой,
И ослепляет ночь то вспышкой синих молний,
то самой полною беззвёздной чернотой.

Но более всего храни себя от гнева,
в сопровожденье атакующих акул
диковинный улов влачишь в себе, как невод,
клубящихся мурен, снующих барракуд.

Пока они, как есть, с тобою все невзгоды,
обмануть надежд, препятствия в пути,
смири и приручи, уйдут на это годы,
где светочь, там и тень, им некуда уйти.

* * *

Семь, сорок семь, сорок семь, семь.
Один, один, два, два, девять, девять, восемь,
Восемь, восемь, сто восемь...

Дом над прудом, в парке аркой
дубовых крон крыт он, будто... будто тентом.
Выстони пристани, барка
старая, кинута кем ты?

Дом над прудом, патриарха

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.